

Исследование Олимпа

Рассказ Геры

Пятнадцать лет мы ждали. Ждали и наблюдали за ошибками и заблуждениями алчных и злобных смертных. Наблюдали, как ребенок, рожденный от моего мужа и другого - настоящего - мужчины, подвергался мучениям со стороны тех, кого подстегивала сама судьба. Наблюдала, как ребенок в своей юной жизни вновь и вновь доказывал, что он герой, лидер и сын Бога.

"Это стоило того, чтобы ждать". Это единственное, что проносится у меня в голове, когда я смотрю на то, как мой муж, человек, которого я стала считать своим братом, и их настоящий сын впервые за пятнадцать лет обнимают друг друга, и поскольку я - Богиня Семьи, я действительно чувствую, как мои собственные силы укрепляются от их союза.

Это заставляет меня смахнуть маленькую слезинку, которая медленно просачивается из уголка моего глаза, прежде чем я ловлю себя и громко кашляю, заставляя всех троих мужчин посмотреть на меня и давая мне еще больше причин заботиться о ребенке, стоящем передо мной, поскольку он отпускает своих родителей, только чтобы склониться передо мной с головой, склоненной в знак почтения.

Это заставляет меня с любовью улыбнуться мальчику - страдания которого заставляют меня заботиться о нем, как о своем собственном - и мягко произнести: "Ни один ребенок моего мужа - неважно, мой он или нет - не должен склоняться передо мной, если я не прикажу. Встань, Харрисон, ибо это твой дом, так же как и мой". Зевс и Сириус улыбаются мне.

Харрисон встает и хочет открыть рот, его глаза уже говорят мне о том, что происходит в его юном уме, но я поднимаю руку и продолжаю мягко говорить: "Твое рождение было предсказано задолго до того, как твои родители встретились, Харрисон. Поэтому я никогда не испытывал злости или обиды ни на тебя, ни на твою мать, можешь быть уверен".

И благодарность сияет в изумрудных глубинах юноши, прежде чем я обращаюсь к Зевсу с вопросом: "Когда ты снимешь с него магический оберег, мой дорогой муж?" И хотя этот вопрос шокирует юношу, стоящего передо мной, Зевс показывает себя сильным и заботливым, когда напрягает плечи и громко произносит: "Когда Харрисон будет готов".

И пока Харрисон продолжает шокированно смотреть на меня, доказывая, что мысль об изменении его внешности еще не пришла ему в голову, я киваю ему, прежде чем мягко спросить младшего мальчика: "Хочешь экскурсию, Харрисон? Мы с твоим отцом и другими богами строим нечто особенное к твоему приезду".

При этом Сириус бросает вопросительный взгляд в сторону Зевса, заставляя моего мужа кашлянуть, чтобы привлечь внимание собственного сына, и говорит: "Мы скоро вернемся к этому, Гера. А пока я хочу показать Харрисону и Сириусу кое-что другое, не менее важное, если ты не возражаешь". Я киваю мужчине и поворачиваюсь, чтобы уйти.

Рассказ Гарри

Олимп удивителен, и все истории, рассказанные мне отцом, впечатляют и напоминают о том,

как я любил изучать древнегреческих и их богов на уроках истории в начальной школе, и это увлечение - теперь, когда я знаю правду о своем наследии, - имеет для меня большой смысл.

И все же мысль о том, что эта удивительная гора, все эти величественные храмы и дома, все люди, живущие здесь, являются частью моего собственного дома и семьи, не дает мне покоя, и чем дольше мы добираемся до храма моего отца, тем труднее и труднее мне в это поверить, и вид его собственного великолепного дома не помогает в этом.

Тогда мужчина вдохновляет меня подняться по лестнице, и хотя я беспокоюсь о том, что ни он, ни Сириус не последуют за мной, я не могу подавить свою любознательную натуру и бреду по коридору, который посоветовал мне отец, считаю двери и открываю третью справа, позволяя войти в то, что я могу описать только как сон.

Темно- и светло-серый мрамор с облачными узорами на стенах, пол из белого мрамора, но с ковром из мягких весенних белых облаков, которые не дают ногам чувствовать холод мраморного камня, а темно-сери-черные облака задрапированы на нескольких больших окнах в задней стене.

У правой стены стоит кровать королевских размеров с тонкими облаками - занавесками, толстым темно-серым облаком - покрывалом и чисто белым облаком - самой кроватью, справа от нее - деревянный комод, выкрашенный в белый цвет, слева - белая деревянная тумбочка с черным деревянным ящиком, а у подножия стоит мой настоящий сундук.

В левую стену встроены две двери, обе из тех же магических облаков, что и входные двери в храм, и хотя часть меня задается вопросом, что может быть за ними, я чувствую себя слишком ошеломленным и потрясенным, чтобы сделать хоть один шаг в эту комнату, которую мой отец явно украсил, чтобы она стала моей собственной.

Снова и снова оглядывая каждый уголок комнаты, я даже не замечаю, как мои родители встают позади меня с обеих сторон, Сириус гордо и с удовольствием кивает головой, заглядывая в мою комнату, а отец, прорвав плотину моих эмоций, кладет руку мне на плечо и шепчет: "Добро пожаловать домой, сынок".